

Когда силы покидали её, она отпускала все заботы и просто отдыхала, не позволяя себе ни плакать, ни кричать, ни падать в обморок, чтобы не стать обузой для других. В моменты бодрости она не докучала расспросами о ходе войны, а лишь спрашивала, не увеличилось ли число раненых солдат, насколько хватает ли продовольствия и лекарств, справляются ли горожане. Попутно она проверяла, не упустил ли что Гу Тин или не доделал ли старый управляющий, и тут же отдавала нужные распоряжения.

Ей не требовались утешения, она не рыдала и не стонала, а просто спокойно стояла рядом, поддерживая всех. Она делала это долгие годы, и никто не мог сравниться с ней в этом умении.

Мягкая и проникательная вдовствующая княгиня не только оказала огромную помощь, но и успокоила людей. Казалось, это лишь небольшая трудность, с которой каждый сталкивается на долгом жизненном пути, — ничего страшного, всё пройдёт. Гу Тин порой думал: не зря её так почитают, не зря порой величают «старейшиной». Она действительно заслуживала этого.

Лишь Мэн Чжэнь оставался самым тревожным. Он постоянно витал в облаках, был не в себе, даже за едой не мог сосредоточиться.

Гу Тин налил ему супа и поставил миску перед ним. Мэн Чжэнь инстинктивно понюхал, уловил особый аромат — это Гу Тин готовил сам, — и глаза его загорелись. Он послушно взял миску и принялся есть.

— Что с тобой? — спросил Гу Тин.

Мэн Чжэнь молча смотрел на миску, словно даже суп потерял для него вкус. — Дикари напали... Не знаю, как там мой брат...

Гу Тин помолчал, затем похлопал его по плечу. — Твой брат очень силён. С ним обязательно всё будет в порядке.

Мэн Чжэнь вдруг словно очнулся, хлопнул себя по лбу и серьёзно посмотрел на Гу Тина. — Ты тоже не бойся! Хо Янь такой могущественный, разве может он умереть? С моим братом на войне тоже всякое бывало — сколько раз он «погибал»! То ложные слухи пускали, чтобы меня напугать и спровоцировать на глупости. То он сам распространял ложные вести, чтобы одурачить врага и нанести неожиданный удар. На поле боя столько всякой ерунды крутится, что верить можно только донесениям от личных гвардейцев, самым надёжным!

Гу Тин опустил глаза. — Знаю.

Мэн Чжэнь поднял огромную, с лицо, миску, быстро выпил суп и вытер рот. — Пошли, я с тобой на стену поднимусь! В последний бой мы встанем плечом к плечу с солдатами. Пусть эти дикари попробуют пройти по нашим трупам!

Гу Тин промолчал. Он понимал: Мэн Чжэнь нервничает, не может усидеть на месте, дурные мысли одолевают. Прогулка могла бы помочь. Тяготы и опасности ложатся на защитников города, им же стоит лишь не мешать и быть осторожными.

— Ладно, но близко к краю не подходи, будь рядом со мной. Ослушаешься — мигом велю Чжэн Шию увести тебя вниз, — предупредил он, соглашаясь.

Мэн Чжэнь энергично закивал, постучав себя по груди. — Не волнуйся! Я же Мэн Чжэнь, милый и надёжный!

.....

— Внучек! Чего не лезешь? Силы кончились? Мамка сегодня молоком не покормила? Это ещё что, я тут, дед, поседеть от ожидания успею! — раздался оглушительный рёв, знакомые слова, знакомый тон. Это был Вэй Ле.

Гу Тин с Мэн Чжэнем поднялись на стену, но Вэй Ле даже не заметил их, продолжая орать:

— Сынок, ты такой ветренный, даже отцу не сказал. Мать твоя плакать будет! —

Видно, сильно устал: обычно он отборно ругался стоя, а теперь полулежал на парапете, высунувшись наружу.

Гу Тин нахмурился и жестом подозвал солдата, чтобы тот оттащил Вэй Ле. — Устал — иди отдохни.

Столько дней шла битва, все были измотаны. Никто не железный, чтобы держаться вечно. Была введена сменность, и Вэй Ле тоже обязан был отдыхать.

Увидев Гу Тина, Вэй Ле усмехнулся, взял у солдата бурдюк с водой и залпом выпил добрую половину, прежде чем перевести дух. — Ох, и хотелось бы! Да сегодня эти дикари с цепи сорвались, будто решили одним махом город взять, не щадя живота. Не до отдыха.

Гу Тин осторожно глянул вниз. Один из варваров, уже лишившийся половины руки, всё ещё карабкался наверх. Натиск и впрямь был жутковатый.

— И правда, ждать устали.

Сегодняшний бой будет тяжким.

Внезапно в воздухе засвистела стрела. Гу Тин, не раздумывая, рванул Мэн Чжэня назад. Тот не успел среагировать и грохнулся на пол вместе с ним.

Стрела пролетела как раз там, где мгновением ранее стоял Мэн Чжэнь, с глухим стуком вонзилась в камень и порвала ткань на плече Гу Тина. Не оттащи он Мэн Чжэня, тот был бы ранен!

У Мэн Чжэня от ярости глаза налились кровью. Он тут же принялся осматривать одежду Гу Тина. — Быстро смотри, не ранен ли?

Гу Тин знал, что цел: боли нигде не чувствовалось. — Просто одежду порвало, — сказал он, раздвинув разрез. — Видишь? Ни крови, ни боли.

Мэн Чжэнь внимательно осмотрел: на коже лишь белая полоска от трения, кожа даже не содрана, раны нет. Он облегчённо вздохнул, но брови остались сведёнными. — Всё равно след остался, скоро опухнет. Будь осторожен, если заболит — мазь намажем.

Гу Тин кивнул. — Хорошо.

Успокоившись, Мэн Чжэнь тут же принялся застёгивать порванную одежду. — Давай закрой, закрой! Кожа видна!

Гу Тин усмехнулся. — И что? Мы же мужчины, чего стесняться? Посмотрят — не убудет.

Мэн Чжэнь глубоко вздохнул и сердито буркнул:

— Тебе не холодно, что ли? Ветер задует — околеешь!

Точно.

Гу Тин послушно поправил одежду, подумав, что не мешало бы накинуть что-нибудь сверху. Внизу горожане наверняка помогли бы, но сейчас спуститься он не мог... потому что путь был отрезан — начался настоящий ливень из стрел!

До чего же яростны!

Он метнулся к краю, схватил щит, увлёк Мэн Чжэня в угол и прикрыл его, соорудив некое подобие укрытия. — Не бойся, всё будет хорошо, — успокоил он.

Боевые барабаны отдавались в сердце тяжкими ударами, ветер доносил свист стрел и запах чьей-то крови.

В тесном укрытии, не видя происходящего, они лишь острее чувствовали тревогу. Сердце сжималось от предчувствия, что случится нечто ещё более ужасное. Возможно, Вэй Ле с людьми отобьёт эту атаку, но победа достанется дорогой ценой.

На войне по-настоящему не выигрывает никто.

И в этот миг, когда, казалось, всех охватило уныние, Гу Тин услышал странный звук: «Вжиииуу...». То был свист стрелы, рассекающей воздух, но с резким, пронзительным звоном — особенный, будто на древко насажен свисток. И сколько бы она ни летела, сколько бы ни была в воздухе, звон этот нёсся вместе с ней, оповещая всех вокруг, наделяя её невероятной, грозной мощью. Она летела издалека, словно неся вызов, а то и возвещая победу.

Это... что такое?

Неужели новый секретный снаряд дикарей?

Но Мэн Чжэнь вдруг вскочил на ноги, его лицо залилось румянцем от волнения. — Это брат! Брат мой здесь! Это его сигнальная стрела!

Он было рванулся к бойнице, но Гу Тин крепко ухватил его. — погоди!

Не успел он договорить, как новая туча стрел обрушилась на стену — туды-тыды-тыды! — воткнувшись в дерево и камень.

Мэн Чжэнь сглотнул, судорожно уцепившись за рукав Гу Тина. — Хорошо, что ты меня держал... а то я бы сейчас ёжиком стал...

Гу Тин потрепал его по голове. — Веди себя тихо. Твой брат ещё не подошёл, враг никуда не делся, опасность всё та же.

Мэн Чжэнь покраснел ещё сильнее. — Поверь мне, брат здесь! Эта стрела — она со мной говорит, говорит, что он пришёл!

Он изо всех сил старался слушаться, но ждать уже не мог. Брат нашёл его! Как же он был счастлив!

Гу Тин крепко держал его за плечо. — Ещё чуть-чуть, совсем немного...

Если подкрепление и впрямь пришло, натиск дикарей скоро ослабнет, и стрельба прекратится.

Так и вышло. Спустя несколько мгновений стрельба постепенно стихла, на стене воцарилась тишина — дикари прекратили атаку!

Теперь Гу Тин уже не сдерживал Мэн Чжэня. Тот, проворный как обезьянка, подскочил к бойнице и высунулся наружу.

— А-а-а-а, Тинтин, это он, это он, мой брат! Он здесь! Какой же он красавец! Скорее смотри!

Гу Тин подошёл и вдалеке действительно увидел Мэн Цэ. Тот не просто пришёл — он, размахивая саблей, рубящей коня, расчищал путь, сметая всех на своём пути!

<http://bllate.org/book/16279/1466281>